

Доклад на пленарном заседании 19 августа 1970

В. И. ЛЫТКИН (Москва)

О ВОКАЛИЗМЕ НЕПЕРВОГО СЛОГА ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Вокализм непервого слога относится к одной из самых неразработанных проблем финно-угорского языкознания. У исследователей до сих пор нет единогласия по вопросу о качестве финно-угорских гласных непервого слога; при реконструкции праязыковых форм слова мы вынуждены в большинстве случаев оперировать понятием «неопределенный гласный», обозначая его знаком ε^1 ; при изучении исторической морфологии вопрос о качестве огласовок суффиксов обычно приходится обходить молчанием.² Словом, проблема вокализма непервого слога весьма актуальна, поскольку без ее решения невозможна дальнейшая разработка не только исторической фонетики, но и исторической морфологии (вопросы огласовки суффиксов, вокализм сложных слов, отпадение конечных гласных, влияние гласных второго слога на гласные первого слога и т. д.). Незаработанность вокализма непервого слога в настоящее время является камнем преткновения на пути дальнейшего исследования ряда проблем финно-угорского языкознания.

На какой стадии находится в данный момент решение затронутой нами проблемы? Большинство современных ученых в вопросе о вокализме непервого слога придерживается следующих установок.

1. В непервых слогах финно-угорского праязыка гласные в своем употреблении были ограничены: встречались только краткие нелабиализованные *a*, *ä* и *e* (по мнению отдельных языковедов, также *ɛ*). При этом в одних морфемах употреблялся *a* (*ä*), в других — *e*. Употребление *a* или *ä* зависело от гласного первого слога: в словах с заднерядным вокализмом стоял *a*, а в словах с переднерядным вокализмом — *ä*, т. е. употребление этих двух звуков зависело от закона гармонии гласных. Употребление же *a* (*ä*), с одной стороны, и *e*, с другой, не зависело от качества гласных первого слога: одни определенные морфемы (как кор-

¹ См., например, MSzFE.

² См., например, M. A. Kövesi, *A permi nyelvek ősi képzői*, Budapest 1965.

невые, так и суффиксальные) оканчивались на *a* (*ä*), а другие — на *e*; по мнению большинства исследователей, гласный *e* употреблялся как в словах с заднерядным вокализмом, так и в словах с переднерядным вокализмом (**kuse-* 'ель', **süle-* 'сажень').

2. В финно-угорском праязыке непроездовая основа (корень) слова состояла из двух слогов и оканчивалась на один из вышеупомянутых гласных звуков (*a*, *ä*, *e*). Исключение составляли местоимения и междометия, которые были односложными. Различались двоякого рода двусложные непроездовые основы: основа одних оканчивалась на узкий краткий гласный, обозначаемый условно через *e* (ср. фин. *pilve-* 'облако'), основа других — на краткий широкий *a* (в словах с заднерядным вокализмом) и *ä* (в словах с переднерядным вокализмом), ср. фин. *koira* 'собака', фин. *setä* 'дядя'.

3. Различие между этими двумя основами лучше всего сохранилось в прибалтийско-финских (в частности в финском) и саамском (в частности в его западных диалектах) языках. Праязыковый гласный конца основы **a* (**ä*) хорошо сохранился в современном финском языке, а звук *e* в абсолютном конце слова еще в прибалтийско-финский период изменился в *i*, но при словообразовании и словоизменении этот *e* восстанавливается (*veri* 'кровь', *veressä* 'в крови', *nuoli* 'стрела', *nuolella* 'стрелой'). В западных диалектах саамского языка эти конечные гласные претерпели закономерные изменения, они перешли в другие звуки: **e* > *ä*, а **a* (**ä*) > *e*, но различие между двумя финно-угорскими основами сохранилось — как и в финском языке; фин. *a* (*ä*) закономерно соответствует саам. *e*, а фин. *e* — саам. *ä*: фин. *maksa* 'печень' — саам. *tuok'se*, фин. *elä-* 'жить' — саам. *ælle-*, фин. *nuole-* 'стрела' — саам. *njuollä*, фин. *mene-* 'идти' — саам. *mânä-*.

В праязыке было приблизительно одинаковое количество *a*-(*ä*-)овых и *e*-овых непроездовых основ. Каждое слово относилось к определенной основе.

Вышеизложенные взгляды о вокализме непервого слога в настоящее время являются наиболее распространенными.³

Два типа финно-угорских основ были установлены главным образом на материале прибалтийско-финских и саамского языков, в которых, как мы видели, сохранилось четкое различие между этими основами. Отдельные следы двух праязыковых основ есть и в других финно-угорских языках, правда, они обнаруживаются только или в определенном фонетическом положении, или в определенных категориях слов, или даже в отдельных дезимологизированных словах. Еще А. Генец⁴ установил определенные закономерные соответствия между мордовскими языками, с одной стороны, и финно-угорским праязыком, с другой: на мордовской почве две финно-угорские основы передаются различно, например, в словах с *e*-овой финно-угорской основой конечный звук закономерно выпадает, если между гласными первого и второго слогов стоит одинарный согласный (ф.-у. **käte-* ~ морд. *ked'*), а конечный гласный

³ См. В. Collinder, *Comparative Grammar of the Uralic Languages*, Stockholm 1960, стр. 187; Р. Hajdú, *Bevezetés az uráli nyelvtudományba*, Budapest, 1966, стр. 51; Е. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 199—201; Gy. Lakó, *A magyar hangállomány finnugor előzményei*, Budapest 1965, стр. 60; Р. Ravila, *Eräitä varhaiskantasuomalaisia analogiatapauksia*. — Vir. 1939, стр. 107—112 и др.

⁴ А. Genetz, *Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan useampitavuisissa sanoissa*, Helsingfors 1895, стр. 15.

a-(*ä*-)овых основ сохраняется в виде *a*, *o*, *e* (ф.-у. **kota*- ~ морд. *kudo*).⁵

Различие между двумя финно-угорскими основами хорошо сохранилось также в глаголах марийского языка, распределяемых на два спряжения. Глаголы I спряжения, сформировавшегося на базе слов *e*-овой финно-угорской основы, в 3-м лице ед. числа настоящего времени оканчиваются на *-eš* (*koleš* 'слышит'), а глаголы II спряжения, сформировавшегося на базе *a*-(*ä*-)овых финно-угорских основ, оканчиваются на *-a* (*ä*) (*kälma* 'зябнет', *ilä* 'живет'). Совпадение огласовок окончаний двух спряжений современного марийского языка с конечными гласными двух финно-угорских основ нельзя считать случайностью, памятуя, что во многих языках формой 3-го лица ед. числа является основа глагола (иногда плюс суффикс причастия).⁶

Нечто аналогичное формам двух марийских спряжений мы находим в удорском диалекте коми языка, где одни глаголы в 3-м лице ед. числа настоящего времени оканчиваются на *-e* (*mune* 'идет'), другие — на *-as* (*udas* 'пойт'). Сопоставление этих удорских глагольных форм с другими финно-угорскими языками (марийским, финским и саамским) приводит к выводу о том, что базой этих двух форм на *-e* и *-as* тоже послужили финно-угорские основы двух типов — *e*-овые и *a*-(*ä*-)овые.⁷

В угорских языках нет заметных следов двух финно-угорских основ, поэтому некоторые языковеды⁸ выдвигают гипотезу о том, что основы двух типов (*e*-овые и *a*-(*ä*-)овые) были лишь в прибалтийско-финско-пермском праязыке, а в финно-угорском праязыке все основы слов оканчивались только на *-a* (*ä*); это ф.-у. *a* (*ä*), по их мнению, перешло в прибалтийско-финско-пермском праязыке в *-e* в словах, где в первом слоге был гласный среднего подъема.⁹

При решении рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на следующие обстоятельства.

1. Кроме упомянутых языков и диалектов, во многих современных финно-угорских языках вокализм непервого слога близок к тому состоянию, которое реконструируется для праязыка. Например, «в современном марийском языке все словообразовательные и словоизменительные суффиксы, за единичным исключением диалектного порядка, могут начинаться только со следующих гласных *a*, *ä*, *e*, *ы*, *и*»¹⁰, т. е. в непервом слоге встречаются только гласные *a*, *ä*, *e*, *ə*, *ë* (из них последние два вторичного происхождения), а «в домарийское время почти все глаголообразовательные суффиксы оканчивались на гласные **-a*, **-ä*, **-e*. Следует предположить, что такая же картина была в начальный период развития древнемарийского языка».¹¹

⁵ В. И. Лыткин, Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков. — CSIFU I, стр. 326.

⁶ P. Ravila, Über die entstehung des tscheremissischen konjugationssystems. — FUF XXV 1938, стр. 1—25; И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 110; В. И. Лыткин, К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках. — Труды МарНИИ, вып. XV, Йошкар-Ола 1961, стр. 49—57.

⁷ В. И. Лыткин, К вопросу о конечных гласных финно-угорского праязыка. — СФУ IV 1968, стр. 233—238; V. I. Litkin, A finnugor alapnyelv szövegi magánhangzóiról. — NyK LXXI 1969, стр. 95—99.

⁸ Gy. Décsy, Finnougrische Lautforschung. — UAJb. 41 1969, стр. 61.

⁹ Gy. Décsy, Der gegenwärtige Stand der finnougri-schen Lautforschung. — Mitteilungen der Societas Uralo-Altaica 2, Hamburg 1968, стр. 43—46.

¹⁰ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, стр. 6.

¹¹ Л. П. Грузов, Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении, Йошкар-Ола 1965, стр. 120.

Нечто подобное мы видим и в пермских языках, где в первом слого обычно гласные *a*, *e* (*e*) ($\langle *e \rangle$), *i* (*i*) ($\langle *i \rangle$); лабиализованные гласные (*o*, *u*) встречаются только в новых суффиксах коми языка, образованных от самостоятельных слов; удм. *o* первого слога произошло из *a*. На основе данных современных диалектов в первом слого воспроизводятся следующие общепермские гласные: $*a$, $*\ddot{a}$ ($*e$), $*i$, т. е. широкие и узкие. Такая система гласных сохранилась до сих пор в одном из архаичных диалектов коми-зырянского языка — в верхневычегодском, где в первом слого встречаются только *a*, *i*, \ddot{a} (*e*).¹² Однако в тех диалектах пермских языков, где вокализм первого слога близок к праязыковой системе гласных (наличие нелабиализованных широких и узких огласовок), различие между гласными слов, восходящих к ф.-у. $*a$ ($*\ddot{a}$), и слов, восходящих к ф.-у. $*e$, не сохранилось, так как произошло обобщение гласных первого слога, при этом в современном языке эти огласовки уже являются составной частью суффиксов, например: вв. *kücin* 'в петле' (\langle ф.-у. $*k\ddot{u}c\ddot{a}$ -) и *nimin* 'в имени' (\langle ф.-у. $*nime$ -).

2. В старых индоевропейских заимствованиях конечный гласный основы сохранился без изменения, если он был нелабиализованным; если в индоевропейском оригинале он был лабиализованным, то в финно-угорском языке заменился нелабиализованным, например:

конечный гласный сохранился без изменения: ф.-у. $*sata$ 'сто' \langle ар. *šata-m*, ср. санскр. *śatā-m*; ф.-у. $*tarna$ (фин. *tarna*, *taarna* 'осока') \langle ар., ср. др.-инд. *tṛṇam*, санскр. *tarra-*; ф.-у. $*šuka$ (фин. *suka* 'щетина', морд. *šuva* 'усик в колосе') \langle ? ар., ср. санскр. *sūka-* (SKES IV);

конечный лабиализованный гласный индоевропейского оригинала заменен на финно-угорской почве нелабиализованным: ф.-у. $*mete$ 'мед' \langle и.-е. $*medhu-$ (SKES II); ф.-у. $*jüvä$ 'злак' \langle и.-е. $*jevo-$ (SKES I); ф.-у. $*orva(s)$ (фин. *orpo* 'сирота') \langle доар. $*orbho-s$ (SKES II); ф.-у. $*poršas$ 'свинья' \langle доар. $*poršos$ (SKES III). Последние четыре примера свидетельствуют о том, что употребление лабиализованных гласных в первом слого для финно-угорского праязыка не было свойственно.

3. Косвенное отражение двух финно-угорских основ мы видим также в тех словах, в которых гласный первого слога изменился под влиянием гласного второго слога. Это, например, наблюдается в ряде слов пермских языков, в которых ф.-у. $*e$ первого слога под влиянием гласного второго слога *e* перешло в закрытое ϱ , а под влиянием гласного второго слога \ddot{a} оно перешло в открытое ϱ ¹³, например:

общеперм. $*k\varrho rj-$ ($*k\ddot{r}j-$) 'шелуха' \langle ф.-у. $*kere-$, общеперм. $*k\varrho sk-$ ($*k\ddot{u}sk-$) 'поясница' \langle ф.-у. $*keske-$, общеперм. $*l\varrho lj-$ ($*l\ddot{u}lj-$) 'душа' \langle ф.-у. $*lewle-$, общеперм. $*m\varrho š-$ ($*m\ddot{u}š-$) 'пчела' \langle ф.-у. $*mekš(e)-$, общеперм. $*p\varrho l-$ ($*p\ddot{u}l-$) 'бояться' \langle ф.-у. $*pele-$, общеперм. $*š\varrho-$ ($*š\ddot{u}-$) 'есть' \langle ф.-у. $*sewe-$;

общеперм. $*č\varrho ž-$ 'дядя' \langle ф.-у. $*čec\ddot{a}$ -, общеперм. $*d\varrho r-$ 'край' \langle ф.-у. $*ter\ddot{a}$ -, общеперм. $*k\varrho r-$ 'просить' \langle ф.-у. $*ker\ddot{a}$ -, общеперм. $*l\varrho p-$ 'селе-

¹² В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, Москва 1964, стр. 235—239; В. А. Сорвачева, М. А. Сахарова, Е. С. Гуляев, Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966.

¹³ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 114; E. Itkonen, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen. — FUF XXXI 1954, стр. 271, 277.

зенка' < ф.-у. *leppä ~ *läppä, общеперм. *mog-* 'надобность' < ф.-у. **meŋkä*, общеперм. **mort-* 'человек' < ф.-у. **mertä*, общеперм. **ob-ül* 'нет (букв.: не есть)' < ф.-у. **epä*, общеперм. **ol-* 'жить' < ф.-у. **elä-*, общеперм. **ord-* 'к, у, в (послелог)' < ф.-у. **ertä*; но общеперм. **qole* 'надо' < ф.-у. **kele-*.

Неоспоримо, что в современных финно-угорских языках наблюдается смешение основ и даже полная нивелировка в употреблении гласных непервого слога. Но это явление мы наблюдаем не во всех языках в равной степени. Поэтому к материалу разных финно-угорских языков следует подходить дифференцированно.

Констатируя факт, что имеются случаи смешения основ в тех финно-угорских языках, в которых в общем и целом сохранилось различие между двумя финно-угорскими основами, некоторые исследователи склонны не признавать существование двояких основ (*a-(ä-)*овых и *e-*овых) даже в прибалтийско-финско-пермском праязыке, предполагая существование единой основы, оканчивающейся на широкий гласный *a-(ä)*.¹⁴ Таким образом отрицается существование *e-*овой основы не только в финно-угорском, но и в прибалтийско-финско-пермском праязыке; существование двойных основ признается ими только в прибалтийско-финско-саамском праязыке.

Между тем многие ученые (Э. Итконен, А. Йоки, Б. Коллиндер, П. Хайду и др.) предполагают существование двояких основ (*a-(ä-)*овых и *e-*овых) не только в финно-угорском, но и в самодийском и уральском праязыках; свою гипотезу они подтверждают соответствующими данными ненецкого, селькупского и других языков. Однако отдельные языковеды доводы этих ученых считают недостаточными для обоснования гипотезы о существовании *e-*овой основы в прасамодийском и прауральском языках.¹⁵

В данном сообщении мы не беремся судить о том, были ли в уральском праязыке двоякие основы, хотя данные из самодийских языков¹⁶, приведенные в статье А. Йоки, наводят на мысль о существовании в самодийском и уральском праязыках двух видов основ: оканчивающихся на широкий гласный и оканчивающихся на узкий гласный. Об этом, например, свидетельствуют следующие параллели (по самодийским языкам берем примеры из селькупского, в котором лучше всего сохранились архаические черты).

Основа на широкий гласный¹⁷: ф.-у. **elä-* 'жить' (фин. *elä-*, саам. *ælle-*, мар. *ilä* 'живет', коми *olas*, *ole* уд.), сельк. *ele-*, *ela-*; ф.-у. **pälä* 'половина' (саам. *bælle*, морд. *pele*, коми *pel-*), сельк. *pälä-l*; ф.-у. **sala* (фин. *sala-* 'тайный', саам. *suole*), сельк. *tuäla-*.

Основа на узкий гласный: ф.-у. **kēle-* 'язык' (саам. *giellâ*, морд. *kel'*, коми *kilj-*), сельк. *šē*; ф.-у. **süle-* 'сажень' (фин. *sylē-*, саам. *sällâ*, морд. *sel'*, коми *silj-*), сельк. *tī*; ф.-у. **tule-* 'приходить' (фин. *tule-*, мар. *toleš'*, сельк. *tī*).

Знаменательно, что в селькупских (и других самодийских) словах, которые соответствуют финно-угорским *e-*овым (в данном случае, *le-*овым) основам, конечный гласный отпадает, исчезает также предшествующий согласный *l*, а гласный первого слога удлиняется. Между тем в селькупских словах (а равно и в словах других самодийских языков),

¹⁴ Gy. Décsy, Die Streitfragen der finnougri-schen Lautforschung, стр. 196.

¹⁵ Там же, стр. 197.

¹⁶ A. J. Joki, Die samojedischen Sprachen und die finnisch-ugrische Vokalforschung. — UAJb. 41 1969, стр. 155—163.

¹⁷ Там же, стр. 156.

которые соответствуют финно-угорским *a-(ä-)*овым основам, сохраняется конечный гласный и предшествующий ему согласный *l*. Такое закономерное соответствие (пусть даже в нескольких словах) между финно-угорскими и самодийскими языками нельзя объяснить случайностью и оно невольно наводит на мысль о наличии в уральском праязыке основ двух типов. Нужно признать, что этот вопрос еще не получил достаточной разработки.

Разработанным остается также вопрос о том, были ли у основ с узким конечным гласным две разновидности: с конечным *e* и с конечным *ɛ*, которые подчинялись закону гармонии гласных. Фактический материал финно-угорских (уральских) языков пока не дает возможности решить эту проблему. Не останавливаясь на этих трудно разрешимых проблемах, рассмотрим вопрос о вокализме непервого слога прибалтийско-финско-пермского, прибалтийско-финско-волжского и прибалтийско-финского периодов.

У ученых нет сомнения в том, что два типа основ, оканчивающихся на широкий гласный (*a, ä*) и на узкий гласный (*e*), существовали уже в ранний прибалтийско-финский период, т. е. когда предки саамов переняли финно-угорскую речь от прибалтийских финнов. В саамском языке, как мы уже указывали, хорошо сохранилось различие между этими двумя основами. Далее, как известно, саамский язык отражает более раннюю стадию развития прибалтийско-финских языков, чем тот праязык, который восстанавливается на основании современных прибалтийско-финских языков. Так, в саамском языке сохранилось различие между финно-угорскими твердыми и мягкими **s* и **š*, **n* и **ń*, ф.-у. **š* еще не перешло в *h* и т. д.¹⁸ Поэтому сходство его в вокализме непервого слога с волжскими языками — о котором шла речь выше — не является неожиданностью.

Как известно, имеются отклонения от закономерных соответствий между отдельными финно-угорскими языками, что объясняется смешением двух типов основ. Однако таких случаев отклонений сравнительно немного, поэтому они не могут служить аргументом для отрицания существования в праязыке двояких основ (*a-(ä-)*овых и *e-овых*). Так, в передаче гласных основ наблюдается несогласованность между прибалтийско-финскими и саамским языками в следующих словах: фин. *sarve-'rog'*, саамН *čoarve*; фин. *suole-'кишка'*, саамН *čoalle*; фин. *sappe-'желчь'*, саамН *sappe*; фин. *talve-'зима'*, саамН *dalve* (SKES IV). Конечный гласный этих слов восходит к финно-угорскому широкому гласному (*a, ä*), но в финском языке он представлен узким гласным (*e*), происхождение которого объясняется влиянием *e-овых* основ на *a-(ä-)*овые основы, имевшим место еще в прибалтийско-финскую эпоху.

Такие отступления от нормальных звуковых соответствий единичны. Закономерные же звуковые соответствия между прибалтийско-финскими и саамским языками наблюдаются в сотне случаев. При закономерном соответствии слов I спряжения марийского языка словам с *e-овой* финно-угорской основой и марийских глаголов II спряжения — финно-угорским словам с *a-(ä-)*овой основой мы наблюдаем также отклонения, но их значительно меньше, чем слов с нормальными соотношениями. Фактический материал по непроизводным глаголам, который приводит П. Равила¹⁹, свидетельствует о том, что слова с правильными соотношениями типа фин. *elä- ~ мар. ilä-* (3 л. ед. числа) 'жить' и фин.

¹⁸ P. Ravila, Die Stellung des Lappischen innerhalb der finnisch-ugrischen Sprachfamilie. — FUF XXIII 1935, стр. 20—65.

¹⁹ P. Ravila, Über die entstehung des tscheremissischen konjugationssystems.

tule- ~ мар. *toleš* (3 л. ед. числа) 'идти' составляют около 68%, а слова с неправильным соотношением типа фин. *kuole-* ~ мар. *kola-* (3 л. ед. числа) 'умереть' и фин. *kaala-* ~ мар. *keleš* (3 л. ед. числа) 'идти вброд' — примерно 32% (здесь не учтены марийские глаголы, в которых наблюдается колебание по диалектам типа *šueš* ~ *šua* 'грести'). Эти отступления от нормальных звуковых соотношений между марийским и другими финно-угорскими языками, а равно и колебание между I и II спряжениями, наблюдаемое в марийских диалектах, объясняются, безусловно, влиянием одних основ на другие.

Аналогичные явления, т. е. появление необычных форм по аналогии с другими формами, представляют собой неоспоримый факт, они известны нам из исторической морфологии многих языков. Поэтому нет ничего странного в том, что в отдельных языках имеются отступления от обычных соответствий, появившиеся в результате (в данном случае) влияния одних основ на другие. В одних случаях этих отклонений больше, в других — меньше. Так, в соответствиях между раннеприбалтийско-финско-мордовскими языками отклонений сравнительно немного: после одинарных согласных финно-угорских *e*-овых основ в мордовских языках конечный гласный систематически отпадает, а в *a*-(*ä*-)овых основах он сохраняется, например:

фин. *kuusi* 'ель', саам. *guossâ*, морд. *kuz*; фин. *lyte-* 'черенок', саам. *nâddâ*, морд. *neđ*, фин. *suoni* 'жила', саам. *suodnâ*, морд. *san*; фин. *tuli* 'огонь', саам. *dollâ*, морд. *tol* и т. д.; но фин. *kuute-* 'шесть', саам. *gut'tâ*, морд. *koto*; фин. *isä* 'отец', саам. *âččë*, морд. *oče*; фин. *muna* 'яйцо', саам. *mânne*, морд. *mona*; фин. *pesä* 'гнездо', саам. *bæsse*, мокш. *piza*; фин. *sata* 'сто', саам. *čuođe*, морд. *šado* и т. д.; но фин. *kala* 'рыба', саам. *guolle*, морд. *kal* (Collinder).

В коми-зырянских диалектах в существительных с финно-угорской *e*-овой основой перед гласным звуком словоизменительного суффикса появляется *j* (*nev-j-en* 'стрелой'), а в словах с финно-угорской *a*-(*ä*-)овой основой этого *j* нет (*kič-en* 'петлей', *jem-en* 'иглой').²⁰ Но есть исключения: *nił-en* 'девушкой' (*e*-овая основа), *roz-j-en* 'гнездом' (*ä*-овая основа) и т. д.²¹

Конечный звук финно-угорской основы имеет рефлекс также в непродуктивных суффиксах, огласовка которых представляет собой конечный гласный звук прежней основы, например, в *s*-овых суффиксах пермских языков мы отчетливо видим двоякого рода финно-угорские основы (коми *kolas* 'остаток', ф.-у. **kođa-*, коми *kelis* 'ворот рубашки', фин. *köyte-* 'веревка').²² К сожалению, вокализм суффиксов отдельных финно-угорских языков плохо изучен. Изучение качества конечного гласного финно-угорской основы слова встречает большие затруднения, потому что, во-первых, во многих языках конечные гласные отпали, во-вторых, там, где сохранились (например, перед некоторыми служебными морфемами), они подверглись обобщению: выработалась единая система (в данном случае в отношении вокализма) словообразования и словоизменения для слов, происходящих как от финно-угорской *e*-овой, так и для слов, восходящих к *a*-(*ä*-)овой основе: ср. коми *piñen* 'зубами' (< **piñe-*), *kičen* 'петлей' (*kšča-*).

²⁰ В. И. Лыткин, Некоторые вопросы вокализма второго слога финно-угорских языков, стр. 326.

²¹ В. И. Лыткин, Исторический вокализм пермских языков, стр. 242—243.

²² В. И. Лыткин, Об огласовках *s*-овых словообразовательных суффиксов существительных в пермских языках. — СФУ V 1969, стр. 115—126.

В поисках рефлексов двух финно-угорских основ приходится ориентироваться на разные отклонения от нормы, наблюдаемые в современных языках, т. е. на те явления языка, которые еще не подверглись общению, не пережили процесса нивелировки: два спряжения марийского языка, йотовые и безйотовые основы существительных коми-зырянских диалектов, разные огласовки непродуктивных суффиксов, гласные в деэтимологизированных словах (коми *ñelamïn* 'сорок', ср. фин. *neljä* 'четыре', но *vetimïn* 'пятьдесят', ср. фин. *viite-* 'пять' и т. д.).

До сих пор вне поля нашего зрения оставался удмуртский язык. Сказалось, что и в этом языке сохранились следы двух финно-угорских основ, оканчивающихся на широкий и узкий гласные. Мы намерены специально остановиться на рассмотрении рефлексов двух финно-угорских основ, сохранившихся в удмуртском языке. В парадигме словоизменения этого языка в следующих двух случаях наблюдаются суффиксы с двойными огласовками:

а) в притяжательных формах 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа мы имеем суффиксы *-ä*, *-äd*, *-äz* (в удмуртской графике звук *ä* передается буквой *e*, транскрибируется то через *ä*, то через *ä*, мы употребляем *ä*) и *-i*, *-id*, *-iz*, например: *žukä* 'моя каша', *žukäd* 'твоя каша', *žukäz* 'его каша', но *ñimï* 'мое имя', *ñimïd* 'твое имя', *ñimïz* 'его имя';

б) в творительном падеже ед. числа употребляются суффиксы с двумя огласовками: *-än*, *-in*, например: *žukän* 'кашей', но *ñimïn* 'именем'.

При этом общеупотребительны суффиксы первой разновидности, т. е. имеющие *ä*-овую огласовку: *-ä*, *-äd*, *-äz* и *-än*. Суффиксы с огласовкой *i* употребляются только с определенными словами. Этих слов (корневых, односложных) около сотни. Мы будем называть их *i*-овыми словами. Эта сотня *i*-овых существительных встречается как в литературном языке²³, так и в удмуртских диалектах. Такая согласованность между диалектами в употреблении этих форм свидетельствует о том, что данное явление (группировка существительных на *i*-овые и *ä*-овые) восходит к глубокой древности.

Примерно треть этих слов этимологизируется, т. е. имеет соответствия в тех финно-угорских языках, в которых сохранилось различие между финно-угорскими *a*-(*ä*-)овыми и *e*-овыми основами. Ниже приводим перечень *i*-овых удмуртских существительных, при этом берем только односложные коренные слова, оканчивающиеся на согласный звук; не приводим слова типа *ki* 'рука', *ke* 'жернов' и двусложные слова типа *gizi* 'ноготь', *limi* 'снег', в которых вокализм непервого слога развился в ином направлении и по особым законам.²⁴ Для краткости в перечне приводится только одна *i*-овая форма (притяжательная форма 3-го лица ед. числа на *-iz*), остальные формы подразумеваются (притяжательные формы 1-го и 2-го лица на *-i*, *-id*, а также форма творительного падежа на *-in*).

²³ Грамматика удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 82—85, 101.

²⁴ Удмуртские слова проверены в литературном языке, в притинском диалекте (Г. И. Тепляшина, Тыловыйский диалект удмуртского языка. Канд. дисс., Москва 1955) и в диалекте дер. Загребино Игринского р-на Удм. АССР (по данным аспиранта Института языкознания АН СССР Р. Ш. Насибуллина).

aniz 'его челюсть', коми *-an: piñan-* — дестимологизированное сложное слово, в двухсложных словах *j*²⁵ не появляется; ? ф.-у. *-e; ср. энец. *ñan̄u*, ненец. *nææŋu* (Collinder).

bordiz 'пространство около чего-либо', коми *berd-*, после сочетания согласных *j* не появляется; фин. *parsi* ~ *parte-* (Collinder); ? ф.-у. *-e; в SKES пермские слова не приводятся.

diniz 'его комель', коми *din-*, но *dinjini* 'отпилить комель'; морд. *te-*, *fej-*, фин. *tyvi* (Itkonen FUF XXXI 184); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

imiz 'его рот', однако коми *vom-*, но *вомъялны (vomjalni)* л. (Пор.), *вомыны (vomjini)* сс. 'оборвать, заставить кого-либо замолчать' (ССКЗД); эрз. *оŋ*, саамН *uoŋâs*; ф.-у. (ур.) *-e (MSzFE 76).

jeliz 'его молоко', коми *jel-*, фин. *jälsi* ~ *jälte-*, ненец. *nylu, niilu*, сельк. *üle* (Collinder).

jiriz 'его голова', коми *jur-*, ? морд. *jur* 'корень', ? фин. *juuri* то же (Itkonen FUF XXXI 170).

kaliz ~ *kalâz* 'его веревка', коми *kevj-*, диал. *kelj-*, фин. *köyte-*; ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.); у Коллиндера пермские слова приведены под вопросом.

ketiz 'его живот', фин. *kohtu* > саамН *goatto* (SKES II).

-kidiz: mił-kidiz 'его желание', коми *miłkid-* — дестимологизированное сложное слово, в двухсложных словах *j* не появляется; сельк. *sümde*, энец. *šuddo* и др. (K. R é d e i, Szófejtések. — NyK LXVII 1965, стр. 124); ? ф.-у. *-e.

kejiz 'его жир', фин. *kuu* < **kuje* (Itkonen FUF XXX 43).

killiz 'его перхоть', коми *kill-* < **kilj-*, ? фин. *kalvo*, ? саам. *gallâ-* (Collinder).

kiliz 'его язык', коми *kiŋj-*, диал. *kiļj-*, морд. *kel*, фин. *kiele-*, саам. *giellâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

kuskiz 'его поясница' (Грамматика современного удмуртского языка, Ижевск 1962, стр. 82), коми *kosk-* (после сочетания согласных *j* не появляется), фин. *keske-*, саамН *gâs'kâ* (SKES I).

limiz 'его бульон', морд. *lem*, фин. *liemi*, саам. *liemâ-* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

ludiz 'его поле', коми *lud-*, *ludj-* уд. (D. R. F o k o s - F u c h s, Syrgänisches Wörterbuch, Budapest 1959), фин. *lansi (lannen)* (SKES II).

luliz 'его дух', коми *lol-*, *lolj-*, фин. *lögly* < **lewle* (B. C o l l i n d e r, Hat das Uralische Verwandte?, Uppsala 1965, стр. 164).

lemiz 'его черемуха', коми *lemj-*, эрз. *lom*, фин. *tuomi*, саам. *duobmâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

miłiz 'его настроение', эрз. *mel*, фин. *mieli*, саамН *miellâ* (SKES II).

niđiz 'черенок (топора)', коми *nud-*, *nudj-* уд., морд. *ned*, фин. *nysi*, саамН *nâđđâ* (SKES II); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

niłiz 'его дочь (девушка)', но коми *nił-*, фин. *neiti*, саамН *niei'dâ* (SKES II); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

niriz 'его нос', однако коми *nir-*, но *ныръявны (nirjavni)* л. (Об.),

²⁵ В е-овых основах в коми-зырянских диалектах появляется *j*, см. об этом выше.

нырбяльны (*nirjalni*) вв. (Крч.) 'рыть, раскидывать мордой' (ССКЗД), эрз. *ñer*, саам. *nierrâ* < **nēre* (Itkonen FUF XXXI 180).

ñeliz 'его стрела', коми *ñevj-*, диал. *ñelj-*, морд. *nal*, фин. *nuole-*, саамН *njuollâ*; ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

ñeriz 'его розга', коми *ñerj-* 'лоза, хлыст, прут; хворостина; связки из прута (обычно из молодой ели)', фин. *näre* 'молодая ель' (Y. Wichman p, Wotjakische chrestomathie mit glossar, Helsinki 1954, стр. 87); в SKES финское слово не сопоставляется с пермскими, хотя, как нам кажется, такое сопоставление возможно.

ñimiz 'его имя', коми *ñim-*, но *ñimjini* иж. (Y. Wichman p, Syrjänscher Wortschatz, Helsinki 1942) скр. (D. R. Fokos-Fuchs, Syrjänsches Wörterbuch) 'называть, давать имя', эрз. *lem*, фин. *nimi*, саамН *nämmâ* (SKES II); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.); древнеперм. *ñimj-*.

paliz 'один из пары, сторона', коми *pev-*, диал. *pel-* 'половина (пары)', коми *pevj-*, диал. *pelj-*, 'доска' < 'пополам расколотое бревно (раньше так делали доски)', но удм. *pulâz* 'его доска', эрз. *pel* 'сторона', *pele* 'половина', ? фин. *piele-* 'сторона, край', саамН *bælle* 'сторона, половина, один из пары'; предполагают две исходные основы — **pēle* и **pälâ*, которые в разных языках смешались: удм. *paliz*, морд. *pel*, коми *pelj-* 'доска' (если можно его отнести сюда) являются рефлексами ф.-у. **pēle*, а удм. *pulâz* 'его доска', эрз. *pele* 'половина', саамН *bælle* — рефлексы ф.-у. **pälâ* (MSzFE).

piñiz 'его зуб', коми *piñ* (*j* после *ñ* не встречается), морд. *pej*, фин. *pü* (Collinder); ф.-у. *-e (MSzFE).

-*seriz*: *vir-seriz* 'его вена' (*vir* 'кровь'), коми *viršer-* — деэтимологизированное сложное слово, в двусложных словах *j* не появляется; ? эст. *süüre* : *süürme-* 'волокно в мясе' и другие значения (Collinder); ф.-у. **sarз* (MSzFE); если возможно сопоставление с эстонским словом, то ф.-у. *-e.

seniz 'его сухожилие', коми *sen-*, но *senj-* уд., морд. *san*, фин. *suoni*, саам. *suodnâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen FUF XXXI 296; Itkonen UAJb.).

siliz 'его сажень', коми *šivj-*, диал. *silj-*, фин. *syle-*, саамН *sállâ*, эрз. *sel* (SKES IV).

šemiz 'скорлупа (яйца)', коми *šem-*, *šemj-* лет., морд. *šav*, фин. *suomu*, саамН *čuobmâ* (SKES IV); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

šuliz 'его полоз', коми *šuvj-*, диал. *šulj-*, ? фин. *solki*, саамН *sol^lki*, *šöä-l^lka* (< фин.) (SKES IV); у Коллиндера нет этих сопоставлений.

tiliz 'его огонь', коми *til* (*til-kert* 'огниво') отдельно не употребляется, морд. *tol*, фин. *tuli*, саам. *dollâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

tiškiž 'его тыльная сторона', коми *tišk-* (после сочетания согласных *j* не появляется), фин. *tahko*, эст. *tahk* (: *tahu*) (SKES IV).

uliz 'его низ', коми *ul-*, морд. *alo*, фин. *ala-*, *ali-*, саам. *-vuolle* (Collinder); неясно, что было в праязыке: *-e или *-a (Itkonen UAJb.).

vejiz 'его масло', коми *vij-* (после *j* второе *j* не появляется), мокш. *vaj*, фин. *voi*, саам. *vuoggjâ* (Itkonen FUF XXXI 163); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

viriz 'его кровь', коми *vir-*, но в памятниках XVIII в. *virj-*; фин. *veri*, морд. *veř*, саам. *vârrâ* (Itkonen FUF XXXI 178); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

viliz 'его верх', коми *vil-*, фин. *ylä-* ~ *yli-*, саам. *állâ, âlle*; неясно, какая основа была в праязыке: *e*-овая или *ä*-овая (Itkonen UAJb.).

viliz ~ *vilâz* (варианты чередуются по диалектам), коми *vil'* (в прилагательных — *vil'* 'новый' — *j* не появляется), морд. *od*, фин. *uute-*, саам. *odđâ* (Collinder); ф.-у. *-e; вторая разновидность удмуртского примера (*vilâz*), видимо, является новообразованием.

viniz 'его брат', мокш. *ov*, ? фин. *vâvy*, ? саам. *viuvâ* (< ? фин.) (Itkonen FUF XXXI 173); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.). У Коллиндера пермские слова не приводятся.

Таким образом, мы привели 39 примеров, где финно-угорской *e*-овой основе соответствуют удмуртские *iz*-овые формы. Правда, этимология части приведенных слов стоит под вопросом, но абсолютное большинство примеров можно уверенно возвести к финно-угорской *e*-овой основе.

Однако имеются исключения, в которых финно-угорской *e*-овой основе соответствуют удмуртские *âz*-овые формы, например:

esâz 'его дверь', фин. *uksi*, саам. *uk'sâ* (Collinder).

ižâz 'его овца', коми *iž-*, морд. *uča*, фин. *uuhi* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.); может быть, здесь была финно-угорская *a*-овая основа — на это указывают удмуртский (*-âz*), коми (безыотовая основа) и мордовский (с конечным *-a*) примеры.

kičâz 'его шелуха', коми *kiš-*, фин. *kaihi, kaihe* (Y. H. Toivonen, Zur geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden affrikaten. — FUF XIX 1928, стр. 99).

kižâz 'его ель', коми *kozj-*, морд. *kuz*, фин. *kuusi*, саам. *guossâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

kijâz 'его змея', коми *kij-* нв. 'минога', фин. *kyu* < **küj-* : **küje* (Itkonen FUF XXX 48).

kižâz 'его моча', коми *kuž-*, фин. *kuse-*, саам. *gužžâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.); вероятно, *-âz* возникло под влиянием *sifâz* 'его кал', в котором *-âz* появляется закономерно (см. ниже).

kurâz 'его кора', коми *korj-*, морд. *keř*, фин. *keri*, саам. *gârrâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

ninâz 'его лыко', коми *nin-*, фин. *niini*, саам. *ninna* (< фин.) (SKES II); может быть, была *ä*-овая основа?

purâz 'его плот', коми *purj-*, фин. *parvi* 'стая, толпа' (Collinder), Коллиндер пермские слова приводит под вопросом; ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

tejâz 'его вошь', коми *toj-*, фин. *tâi*, саам. *dik'ke* (Collinder), саам. *-k'ke* — суффикс (Itkonen FUF XXX 41); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

ujâz 'его ночь', коми *voj-*, морд. *ve* ~ *vej*, фин. *yö*, саам. *iggjâ* (Collinder); ф.-у. *-e (Itkonen UAJb.).

При большом количестве закономерных соответствий (удм. *iž* ~ ф.-у. *-e) мы имеем небольшое число исключений (удм. *-âz* ~ ф.-у. -e), появление которых следует объяснить влиянием *a*-(*ä*-)овых основ.

В удмуртских существительных, восходящих к финно-угорской *a*-(*ä*-)овой основе, наблюдается закономерное соответствие: удм. *-âz* ~ ф.-у. *-a(*-ä), например:

gidâz 'его хлев', фин. *kenttä, kentä*, саам. *gied'de* (Uotila).

girkäz 'его дупло', коми *girk-*, морд. *kirga, korga* (Collinder); ? ф.-у. *-а.

gopäz 'его яма', коми *gop-*, фин. *kuoppa* (SKES II).

gonäz 'его пух', коми *gen-*, ? фин. *kynä* (H. Paasonen, Beiträge zur finnisch-ugrisch-samojedischen Lautgeschichte, Budapest 1917, стр. 297).

immäz pote 'ему спать хочется (букв.: его сон выходит)', коми *onm- ~ unm-*, морд. *udo-*, саам. *oaddē-* (Collinder); ф.-у. *ода- (Itkonen FUF XXXI 164).

kičäz 'его петля', коми *kič-*, фин. *kehä* (Collinder); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

kejäz ~ kejiz 'его моль', коми диал. *kej-*, морд. *ki*, фин. *koi*, имеются варианты, указывающие на ф.-у. *-е и *-а (Itkonen FUF XXX 41).

kuzäz 'его пара', коми *gozj-*, фин. *kansa*, саам. *gazze* (Uotila).

kiläz 'его болезнь', коми *kul-*, фин. *koljo* (Uotila); ф.-у. *kolja < ? н.-е. *koljā (SKES II).

lemäz 'его клей', коми диал. *lem-*, фин. *tymä*, саам. *dábme* (Collinder); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

-meñäz: iči-meñäz 'его сноха', коми *moñ-*, фин. *miniä*, саам. *männje* (Collinder); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

murtäz 'его человек', коми *mort-*, фин. *martaa-* (Collinder).

musäz 'его печень', коми *musk-*, морд. *takso*, фин. *taksa*, саам. *muok'se* (Collinder); ф.-у. *-а (Itkonen UAJb.).

pučäz 'его жердь', коми *počk-*, фин. *piha* (Collinder).

puzäz 'его яйцо', коми *pozi-* 'гнездо', морд. *pižä*, фин. *pesä*, саам. *bässe* (Itkonen FUF XXXI 177); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

sepäz 'его желчь', коми *sept-*, мокш. *säpä*, фин. *sappi*, саам. *sap'pe* (Collinder); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

sitäz 'его экскремент', коми *sit-*, фин. *sitta* (Collinder); ф.-у. *-а (Itkonen UAJb.).

šizäz 'его дятел', коми *šiz*, фин. *hähnä* (Itkonen FUF XXXI 171).

toläz 'его зима', коми *tel-*, мокш. *tala*, фин. *talvi*, саам. *dal've* (Collinder); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

vazäz 'его полба', мокш. *višä*, фин. *vehnä* (Y. H. Toivonen, Über alter und entwicklung des ackerbaus bei den finnisch-ugrischen völkern. — MSFOu LVIII, Helsinki 1928, стр. 233).

vožäz pote 'злится (букв.: его зло выходит)', коми *vež-*, эрз. *ožo*, фин. *viha*, саам. *vášše* (Collinder).

viřäz 'его холм', коми *veř-* 'лес', *veř-viř* 'гривка', фин. *vaara*, саам. *varre* (Collinder).

vuzäz 'его товар', коми *vuz-*, ? фин. *osta-*, саам. (Луле) *oases* (Collinder).

zeräz 'его костер (трава)', коми *zerj-*, ? фин. *sara* (Uotila), морд. *suro, surä* (Y. H. Toivonen, Suomalais-ugrilaisesta alkukodista. — Vir. 1953, стр. 32).

žukäz 'его каша', коми *rok-*; ф.-у. *rekkä (Y. H. Toivonen, Wortgeschichtliche Streifzüge. — FUF XXX 1951, стр. 343);

žaräz 'его рассвет', саам. *čuoerre* (Collinder).

В удмуртском языке как исключение встречаются *iz*-овые формы в словах, восходящих к финно-угорской *a*-(*ä*-)овой основе, например:

beriz 'его зад', коми *ber*, морд. *piřa*, фин. *perä* (Itkonen FUF XXXI 177); ф.-у. *-ä (Itkonen UAJb.).

inmiz 'его небо', коми *jenm-*, фин. *ilma*, саам. *âl'bme* (Collinder); ф.-у. **-ä* (Itkonen UAJb.).

miškiz 'его тыльная сторона', коми *mišk-*, фин. *muhka* (Gy. L a k ó, Permi szófejtések. — NyK LII 1948, стр. 239).

peliz 'его ухо', коми *pel-*, морд. *pile*, саам. *bælbje* (Collinder).

pumiz 'его конец', коми *pot* ~ *pon*, мокш. *pé*, фин. *pää* (<**pänä*) (Itkonen FUF XXXI 172).

sujiz 'его рука', коми *soj*, саам. *soaggja* (Collinder).

šinmiz 'его глаз', коми *šinm-*, морд. *selme*, саам. *čâl'bme* (Collinder); ф.-у. **-ä* (Itkonen UAJb.).

šuliz 'его кишка', коми *šuvj-*, диал. *šulj-*, морд. *šula*, фин. *suoli*, саам. *čoaalle* (Collinder); ф.-у. **-a* (Itkonen UAJb.).

šuriz 'его рог', коми *šur*, морд. *šuro*, фин. *sarvi*, саам. *čoar've* (Collinder); ф.-у. **-a* (Itkonen UAJb.).^{25a}

В двух последних удмуртских словах (*šuliz* и *šuriz*) мы видим такое же отклонение от нормальных соответствий, как и в финском языке.

Здесь приведено 85 примеров, из них 39 на правильное соответствие: удм. *-iz* ~ ф.-у. **-e*, 26 примеров на соответствие удм. *-äz* ~ ф.-у. **-a* (**-ä*), всего на правильное звукосоответствие 65 примеров; отклонения от правильных соответствий: удм. *-äz* ~ ф.-у. **-e* — 11 примеров, удм. *-iz* ~ ф.-у. **-a* (**-ä*) — 9 примеров, всего на неправильные соответствия — 20 примеров. Правильные соответствия составляют 77%, отклонения — 23%. Происхождение отклонений следует объяснить смешением *e*-овых и *a* (*-ä*-)овых основ.

Итак, в нашем распоряжении еще один критерий для разграничения двух основ финно-угорского (вернее — финско-пермского) праязыка. Для разграничения этих двух основ мы теперь имеем пять критериев, которые во многих словах выступают одновременно, например, финно-угорская *e*-овая основа: удм. *kiliz* 'язык', коми *kijvj-*, морд. *kel* (отпадение *e*), фин. *kiele-*, саам. *giellâ*; см. также *lēm* 'черемуха', *nel* 'стрела', *sil* 'сажень', *šem* 'скорлупа'; финно-угорская *a*-овая основа: удм. *vožäz* 'чрев', коми *vež-* (отсутствие *j*), эрз. *ožo* (сохранение конечного гласного), фин. *viha*, саам. *vâšše*.

Некоторые исследователи удмуртского языка пытаются выделить существительные, имеющие в 1-м, 2-м, 3-м лице ед. числа притяжательные формы и в творительном падеже ед. числа *i*-овую огласовку, в особую семантическую группу (название частей тела, термины родства и т. д.)²⁶, или даже видеть в них своеобразную грамматическую категорию «неотчуждаемой принадлежности».²⁷ Еще Д. Фокош-Фукс указывал, что объяснение появления двояких огласовок (*i*, *ä*) скорее можно искать в исторической фонетике с учетом более поздних аналогических явлений.²⁸ Приведенный выше материал показывает, что нет оснований выделять слова в особую семантическую группу и тем более видеть в их *i*-овом оформлении специфическую грамматическую категорию. В удмуртском языке встречается немало слов и с *ä*-овыми формами, относящихся к тем же семантическим группам (части тела, термины родства

^{25a} В диалекте д. Гучиншур Глазовского р-на *inmäz*, *sujäz*, *šuläz*, *šuräz*.

²⁶ А. А. Поздеева, Удмурт кыл грамматика, Ижевск 1951, стр. 72; Грамматика удмуртского языка, стр. 82—85, 101.

²⁷ Т. И. Тепляшина, Тыловыйский диалект удмуртского языка, стр. 175—178.

²⁸ D. Fokos-Fuchs, [Рецензия на работу «Грамматика современного удмуртского языка» (Ижевск 1962)]. — NyK LXV 1963, стр. 217.

и др.), что и слова с *i*-овыми формами, например: *musäz* 'его печень', *puzäz* 'его яйцо (анатом.)', *sepäz* 'его желчь', *tušäz* 'его борода', *iči-meñäz* 'его сноха' и т. д. Кроме того, среди слов с *i*-овой формой много таких, которые трудно причислить к какой-либо определенной семантической группе или усмотреть в них какую-то грамматическую категорию неотчуждаемости, например: *kaliz* 'его веревка', *limiz* 'его бульон', *lemiz* 'его черемуха', *ludiz* 'его поле', *vejiz* 'его масло', *tiliz* 'его огонь', *neriz* 'его розга' и т. д. В *i*-овых и *ä*-овых формах, безусловно, следует видеть рефлексy двух финно-угорских основ.

Говоря о пяти критериях, наличествующих в пяти языках, мы должны оговориться, что не всегда имеем налицо примеры всех этих пяти языков, иногда соответствующее слово отсутствует в том или ином языке, а в отдельных случаях наблюдаются отклонения и в звуковых соответствиях, появившиеся под влиянием других основ.

Все сказанное о звуковых соответствиях, наблюдаемых между гласными конца финно-угорской непроемной основы, с одной стороны, и современными языками, с другой, мы можем представить следующим образом:

ф.-у.	саамН	фин.	морд. (после одинарных согласных)	мар. (в глаго- лах)	коми-зыр. (в суще- ствитель- ных)	коми-зыр. (в глаго- лах, уд.)	удм. (в суще- ствитель- ных)
*CзCe-	CзCä-	CзCe-	CзC-	CзCe-	CзCj-	CзCe-	CзCiz
*CḡCä-	CзCe-	CḡCä-	CḡCe-	CḡCä-	CзC-	CзCa-	CзCäz
*CḡCa-	CзCe-	CḡCa-	CḡCa-	CḡCa-	CзC-	CзCa-	CзCäz

Переходим к рассмотрению вокализма суффиксов. Предполагают, что многие первичные суффиксы финно-угорского праязыка состояли из согласного и гласного, при этом огласовкой их служили те же гласные, которые мы видели в конце корня слов, т. е. краткие *a* (*ä*) и *e*. В таких суффиксах смысловую нагрузку нес согласный, а гласный служил лишь огласовкой и определял принадлежность данного производного слова к одному из двух видов основы: за одними суффиксами следовал широкий гласный (*a* или *ä*), а за другим — узкий (*e*). Наряду с этим имелись суффиксы, состоявшие из отдельных согласных, геминат и сочетания согласных; за геминатами и сочетаниями согласных обязательно следовал гласный; были ли суффиксы, состоящие из гласного звука, — вопрос спорный.²⁹

Суффиксальные огласовки, как и огласовки второго слога корня слов, в идеальном виде в современных языках не сохранились, так как отдельные финно-угорские языки в ходе своего исторического развития претерпели в отношении вокализма большие изменения: отпадение конечных гласных, выравнивание огласовок конца корней и конца суффиксов, влияние одних гласных на другие, наделение гласных грамматической нагрузкой и т. д. В результате этих изменений в огласовках суффиксов часто не сохранялось различие между широкими и узкими гласными. Так, в коми языке перед приметой инфинитива мы видим после любого словообразовательного суффикса гласный или отсутствие огласовки: *pukədnj* 'заставить сидеть' (*-d* — суффикс каузатива), *košašnj* 'драться, разорваться' (*-š* — суффикс возвратного залора); в

²⁹ P. Hajdú, указ. раб.; E. Itkonen, Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache. — UAJb. XXXIV 1962, стр. 199—201.

прошлом эти суффиксы, по-видимому, оканчивались на гласный, который в современном языке выпал; *pukitiini* 'положить', *pukšini* 'сесть', *vajlini* 'принести на время'; *-t*, *-š*, *-l* — суффиксы, за которыми раньше стояли разные гласные (*a*, *ä*, *e*), но в современном языке стоит единый *i*, который мыслится уже не огласовкой предшествующих консонантных суффиксов (*-t*, *-š*, *-l*), а составной частью инфинитивной приметы *-ini*.

Нечто подобное мы видим и в других финно-угорских языках. Поэтому нелегко установить качество первичных огласовок суффиксов, восходящих к финно-угорскому праязыку. Однако в отдельных случаях можно определить, какой гласный был в том или ином суффиксе.

В качестве иллюстрации положения, что в конце суффиксов тоже различались два вида гласных, приведем пример на некоторые словообразовательные суффиксы глагола, а именно: рефлексивный суффикс **-še*, фреквентативный **-le* и каузативный **-ta* (**-tä*). Различие в качестве огласовки этих суффиксов сохранилось в тех же финно-угорских языках (диалектах), в каких мы наблюдаем разные рефлекс конечного гласного конца финно-угорской основы (корня), т. е. в финском, марийском языках, удорском диалекте коми языка и т. д. Приведем примеры.

Финно-угорский рефлексивный суффикс **-še*. На *e*-овую огласовку этого суффикса указывают следующие данные: в удорском диалекте коми языка имеется суффикс *-š*, основная функция которого — образование процессуального вида, выражающего длительность действия (в какой-то момент действие началось и продолжается), например: *munše* 'идет (когда-то началось движение и продолжается)', ср. *munę* 'идет (обозначает действие безотносительно к способу протекания его)'. После этого суффикса в 3-м лице настоящего времени всегда стоит *e* (< **e*), а не *a*, например: *gežše* 'пишет (когда-то начал и продолжает писать)', *geže* 'пишет (субъекту вообще присуще данное действие)'; ср. также глаголы, бессуффиксная форма которых относится к *a*-овой основе: *vižas* 'переправляется', но *vižše* то же, *koras* 'просит', но *korše* 'просит (процессуальная форма)'. Эти глаголы ясно указывают на зависимость появления *e*-овой огласовки от суффикса *-š*.

Данный суффикс коми языка сопоставим с мар. *ž*, встречающимся в виде *-äž*, где *ä* — конечный гласный основы, и обозначающим «действие, ... которое ничем не прерывается, продолжается во времени»: *jolžäž* 'блестеть' от *joljaš* то же; марийские глаголы с этим суффиксом относятся к I спряжению, т. е. восходят к финно-угорской *e*-овой основе.³⁰ Этот суффикс имеется также в других финно-угорских языках: венг. *játszik* 'играть' (ср. *játék* 'игрушка'), хант. *nòmäs* 'помнить' (корень *nòm-*)³¹, морд. *-še*, обозначающее многократно-длительное действие: *ramšems* 'покупать, закупать, раскупать', ср. *ramams* 'купить'.

Приведем другой пример. Возьмем фреквентативный (однократно-многократный) deverбальный глагольный суффикс **-le*. В этом суффиксе *e*-овая огласовка сохранилась в удорском диалекте коми языка, марийском и финском языках; данный суффикс сохранился и в других финно-угорских языках, но в таком виде, что не предоставляет данных для определения качества огласовки. В удорском диалекте, как и в других диалектах коми языка, суффикс *-l* выражает кратковремен-

³⁰ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология II, Ношкар-Ола 1966, стр. 86, 87.

³¹ J. Szinyei, A Magyar nyelvhasonlítás. Budapest 1927, стр. 64.

ный, многократный и длительный виды, например: *lokle* 'приходит на время', *lok-* 'приходить', *lole* 'бывает', *lo-* 'быть', *babe bid vo piv votle* 'бабушка каждый год бруснику собирает (многократный вид)', *votas* 'собирает (безотносительно способа протекания действия)'. После *l* везде стоит *e* (<**e*).

Суффиксы с элементом *l*, обозначающие многократное или повторяющееся действие, встречаются во многих финно-угорских языках, ср. мар. *äštäleš* 'подделывает' от *äšta* 'делает', *šoktāleš* 'наигрывает' от *šokta* 'играет'; все глаголы марийского языка с суффиксом *-l* относятся к I спряжению, т. е. восходят к *e*-овой основе.³² На *e*-овую огласовку указывают также финские примеры: *antelen* 'раздаю', *annan* 'даю', *kaivelen* 'копаю, ковыряю', *kaivan* 'копаю, рою'.

Примеры марийского и финского языков, в которых от глаголов с *a*-(*ä*-)овой основой (ср. мар. *äšta* 'делает', *šokta* 'играет', фин. *annan* 'даю', *kaivan* 'копаю') образуются *l*-овые многократные глаголы с *e*-овой основой, свидетельствуют о том, что огласовкой данного суффикса был узкий гласный (*e*).

Приведем пример на суффикс каузатива (понудительного залога) *-ta* (*-tä*). Этот суффикс в удорском диалекте, как и в других коми диалектах, употребляется в разных значениях: понудительном (*geže* 'пишет', *gežedas* 'заставляет писать'), понудительно-транзитивном (*burde* 'выздоровливает', *burdeđas* 'лечит, исцеляет'), фактитивном (*čel* 'тихий, спокойный', *čeļedas* 'успокаивает, унимает'), пассивном — в безличных формах глагола (*kire* 'обваливается (берег)', *beregse kiređas* 'берег (кем-то) обваливается, кто-то обваливает'). Огласовкой обычно служит *-a* (*-as*).

Каузативный суффикс *-t* восходит к финно-угорскому периоду и встречается почти во всех современных финно-угорских языках. Приведем примеры из марийского и финского языков, в которых сохранилась финно-угорская огласовка. В марийском языке глаголы с суффиксом *-t* (после носовых согласных и *-d*), «в зависимости от содержания корневого слова ... могут иметь весьма различное значение: каузативное (причинительное), фактитивное (превращение в то, что обозначает корневое слово)» и т. д., например: *voltaš* 'спустить' от *volaš* 'спуститься', *purtaš* 'впустить' от *puraš* 'зайти', *šolta* 'варит' от *šoleš* 'кипит'. Все марийские глаголы с этим суффиксом относятся ко II спряжению, т. е. огласовка суффикса восходит к финно-угорскому **a* (**ä*).³³ Данный суффикс встречается также в финском языке с огласовкой *a* (*ä*), например: *palele-* 'мерзнуть', *palelta-* 'морозить'; *pääse-* 'отвязаться, освободиться', *päästä-* 'отвязать, освободить'; *jää* 'лед', *jäätä-* 'заморозить'.³⁴

Интересно отметить, что существительные, образованные при помощи непродуктивных суффиксов от рассмотренных нами производных глаголов, сохраняют первоначальную огласовку, т. е. их суффиксы появляются в виде *-še*, *-le* и *-ta*, например (примеры из пермских языков):

-še: коми *vežšeg* уд. (Ваш.) 'смена одежды, смена белья', *vežšini*

³² И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология II, стр. 107—111.

³³ Там же, стр. 91.

³⁴ О рассмотренных суффиксах см. подробнее: В. И. Лыткин, Об огласовках некоторых deverбальных словообразовательных суффиксов глагола финно-угорских языков. — Вопросы финно-угорского языкознания и этнографии, вып. 5, Йошкар-Ола 1970.

'менять себе одежду', *vežni* 'переменить'; *poožeg* иж. 'пугало для птиц на посевах', *poožini* иж. 'испугаться', *pooni* иж. (<*polni*) 'бояться' и т. д.;

-*le*: коми *pukles* 'сиденье в лодке, экипаже и т. д.', *pukal-* 'сидеть', *puk-* то же; *ordleg* уд. 'снопы в вешалах, поставленные стоя', *ordlini* лл. уд. 'ставить стоя, стоймя', *ordni* лл. то же и т. д.

-*ta*: коми *lomtas* 'топливо', *lomtini* 'топить, отоплять', корень *lom-* (ср. *lomžini* 'зажечься', *lomauni* 'пылать'); коми *puktas* 'овощи' (<'то, что посажено'), удм. *puktos* 'ряд снопов, расставленных для просушки', коми *puktini* 'ставить, посадить', корень *puk-* (ср. *pukavni*, *pukni* 'сидеть', *pukšini* 'сесть'); коми *rektas* 'подсека, где выжигается лес под пашню', *rektini* 'расчищать', корень *rek-* (ср. *rekmini* 'опоражниваться'); *bidtas* 'воспитанник, дети', *bidtini* 'воспитывать, растить', корень *bid-* (ср. *bidmini* 'расти'); коми *kojtaš* 'место увеселения молодежи, гулянка', *kojtni*, *kojni* диал. 'токовать' и т. д.

Мы привели примеры на словообразовательные суффиксы для того, чтобы показать, что двоякие огласовки имелись не только в конце корней, но и в конце суффиксов. По-видимому, в праязыке все суффиксы (словообразовательные и словоизменительные), состоявшие из согласного и гласного, относились (как и корни) к двум разновидностям: согласный + *a* (*ä*) и согласный + *e*.

При такой постановке проблемы о гласных непервого слога перед исследователями встает ряд вопросов о вокализме суффиксов современных финно-угорских языков. Необходимо исследовать процесс нивелировки огласовок, наблюдаемый в продуктивных суффиксах почти всех современных финно-угорских языков; дифференциацию гласных, происходившую в связи с наделием их грамматической нагрузкой (ср. древнепермский суффикс творительного местного падежа *-in* (*-en*) > коми *juren* 'головой' и *jurin* 'в голове'); наличие огласовок разного качества в тех или иных продуктивных суффиксах (коми *kariš* 'из города', но *kare* 'в город'); отклонения в вокализме непервого слога от нормы и т. д. Словом, возникает целый клубок проблем, решение которых еще ждет исследователей. Без теории о праязыковых огласовках двух родов — *a*-(*ä*)-овых и *e*-овых — невозможно осмысление фактов вокализма непервого слога современных финно-угорских языков.

Сокращения

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961.

Collinder — В. Collinder, *Fenno-Ugric Vocabulary*, Stockholm 1955; *Itkonen FUF XXX* — E. Itkonen, *Beiträge zur Geschichte der einsilbigen Wortstämme im Finnischen*. — FUF XXX 1951; *Itkonen FUF XXXI* — E. Itkonen, *Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Tscheremissischen und in den permischen Sprachen*. — FUF XXXI 1954; *Itkonen UAJb*. — E. Itkonen, *Die Laut- und Formenstruktur der finnisch-ugrischen Grundsprache*. — UAJb. XXXIV 1962; *Uotila* — Т. Е. Uotila, *Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und Wörterverzeichnis*, Helsinki 1938.

ар. — арийский язык; **вв.** — верхневычегодский диалект коми языка; **вв. (Крч.)** — верхневычегодский диалект с. Керчемь; **иж.** — ижемский диалект коми языка; **л.** — лузский диалект коми языка; **л. (Об.)** — лузский диалект с. Объячево; **л. (Пор.)** — лузский диалект по р. Порез; **лет.** — летский диалект коми языка; **лл.** — лузско-летский диалект коми языка; **нв.** — нижневычегодский диалект коми языка; **саамН** — норвежский (западный) диалект саамского языка; **саамШ** — шведский диалект саамского языка; **скр.** — сыктывкарский диалект коми языка; **сс.** — среднесыольский диалект коми языка; **уд.** — удорский диалект коми языка; **уд. (Ваш.)** — удорский диалект коми языка по р. Вашке.